

В. В. Намнясева

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обеспечение безопасности является необходимым условием эффективности отправления уголовного судопроизводства. В качестве специфической системы гарантий эффективности осуществления правосудия выступает уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за посягательства на жизнь, здоровье и иные интересы субъектов уголовно-процессуальных отношений. В статье анализируются недостатки соответствующих уголовно-правовых норм, предлагается авторский вариант решения рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: правосудие, участники уголовного судопроизводства, безопасность, жизнь, здоровье, специальный потерпевший.

V. V. Namnyaseva

PROBLEM-SOLVING QUESTIONS TO RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH OF THE PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Security is a prerequisite for effective administration of criminal justice. Criminal legislation serves as a specific set of guarantees of effective justice execution. It assumes responsibility for the attempt on the life, health and interests of other subjects of criminal procedure relations. The author analyses the defects of the corresponding criminal-legal rates. The author's variant of the decision of the considered problem is offered.

Keywords: justice, the participants of criminal proceedings, security, life, health, the special aggrieved.

Эффективность правосудия во многом зависит от того, насколько надежно ограждены участники уголовного судопроизводства от какого бы то ни было влияния извне. Особенно недопустимы посягательства, создающие угрозу их жизни и здоровью. Выполняя предусмотренные законом функции, участник уголовного процесса вправе рассчитывать, что государство обеспечит защиту как его собственной безопасности, так и безопасности его родных и близких от возможных угроз.

В настоящее время преступное воздействие на участников уголовного судопроизводства приобрело угрожающие масштабы как на внутригосударственном уровне, так и на уровне мирового сообщества в целом, о чем свидетельствуют многочисленные социологические исследования. Экспертами международного сообщества неоднократно отмечалось, что угрозы и насилие в отношении

лиц, сотрудничающих с правоохранительными и судебными органами, стали «наиболее распространенным средством подрыва системы уголовного правосудия»; достаточно часто имеет место так называемое «назидательное (устрашающее)» насилие, когда свидетели «могут быть убиты для того, чтобы показать будущим возможным свидетелям, с какими последствиями им придется столкнуться в случае предоставления доказательств» [1].

Уголовно-правовые нормы, охраняющие интересы участников судопроизводства, выступают в качестве составляющей специфической системы гарантий эффективности осуществления правосудия. Посягательства на жизнь и здоровье рассматриваемых лиц направлены против интересов правосудия. Однако в ряде случаев преступления, причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда именно интересам правосудия, квалифицируются как посягательства

на интересы личности или другие объекты уголовно-правовой охраны. Существующее положение приводит к тому, что стираются различия между преступлениями против личности и преступлениями против правосудия, размывается сущность последних, при совершении которых причинение вреда обусловлено не свойствами личности потерпевшего, а его ролью в сфере осуществления правосудия и предварительного расследования.

Сложившуюся ситуацию обуславливают несколько основных причин — это и неудачная редакция ряда уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение безопасности участников процесса, и проблемы правоприменения, в частности, связанные с отсутствием обобщений судебной практики и рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ, дающих четкое понимание содержания отдельных признаков составов преступлений, закрепленных в гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В рамках данной главы на защиту жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства направлены в первую очередь нормы, предусмотренные ст. 295, 296, 302, 309 УК РФ, в которых рассматриваемые блага выступают в качестве дополнительного объекта преступления.

Остановимся лишь на некоторых моментах, наиболее ярко характеризующих рассматриваемую проблему и связанных с законодательной конструкцией и проблемами применения перечисленных норм.

В первую очередь привлекает внимание вопрос об определении круга специальных потерпевших, который решен законодателем не очень удачно (причем трудно понять его логику и мотивы при конструировании указанных норм). По нашему мнению, круг специальных потерпевших в данных нормах необоснованно сужен. Так, в качестве специальных потерпевших в ст. 295 УК РФ называются: судья; присяжный заседатель; иное лицо, участвующее в отправлении правосудия; прокурор; следователь; лицо, производящее дознание; защитник; эксперт; специалист; судебный пристав; судебный исполнитель;

близкие указанных лиц. Этот перечень является исчерпывающим. Затруднительно определить, чем руководствовался законодатель, когда решал, что посягательство на жизнь эксперта, специалиста, защитника в связи с их участием в осуществлении правосудия должно квалифицироваться по ст. 295 УК РФ, а ответственность за убийство свидетеля или потерпевшего, давшего показания, избобличающее лицо в совершении преступления, должна наступать по общей по отношению к данной норме, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство лица или его близких в связи с выполнением общественного долга [2]? Ведь трудно переоценить значение показаний этих лиц для установления истины по делу, и, следовательно, для обеспечения интересов правосудия.

В научной литературе высказывались предложения о включении свидетелей и потерпевших в число лиц, перечисленных в диспозиции ст. 295 УК РФ [3, с. 96—97; 4, с. 15], которые мы полностью поддерживаем. Однако хотелось бы остановиться на еще одной категории участников уголовного процесса — обвиняемых и подозреваемых, готовых сотрудничать с правоохранительными органами, чьи правоохраняемые интересы нередко подвергается угрозе со стороны заинтересованных лиц, которым крайне не выгодны их правдивые показания и иная помощь в раскрытии и расследовании преступлений. О защите безопасности обвиняемых (подозреваемых) в рамках установления уголовной ответственности за преступления против правосудия можно говорить только применительно к нормам, которые обеспечивают эту защиту опосредованно, за счет криминализации разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судей и участников уголовного процесса, и разглашения данных предварительного расследования. Результаты проведенного в рамках исследования данной проблемы анкетирования свидетельствуют о том, что 97% опрошенных следователей и дознавателей сталкивались в своей практике с противоправным воздействием на подозреваемого или

обвиняемого со стороны соучастников по делу, родственников, знакомых и защитников соучастников. 6% опрошенных указали, что им известно о случаях воздействия на обвиняемых (подозреваемых) со стороны свидетелей, потерпевших и иных лиц.

Анализ следственно-судебной практики (результаты наших исследований совпадают с полученными другими авторами [5, с. 20; 6, с. 10]) показал, что на стадии предварительного расследования в каждом 11—12 случае угрозы и физическое насилие со стороны заинтересованных лиц реализуются именно в отношении обвиняемых (подозреваемых), сотрудничающих со следствием, или их близких. Им не гарантирована соответствующая уголовно-правовая защита от принуждения к противодействию расследованию, а между тем опасность такого рода действий не является мнимой. Следовало бы укрепить уголовно-правовые гарантии защиты жизни и здоровья данной категории участников процесса. Полагаем, что включение обвиняемого и подозреваемого в число лиц, закрепленных в качестве специального потерпевшего в ст. 295 УК РФ (а также в ст. 309 УК РФ), было бы обоснованным.

Приведенные выше доводы о необходимости расширения круга специальных потерпевших путем дополнения его указанием на обвиняемого, подозреваемого, свидетеля и потерпевшего, применимы и к норме, предусмотренной ст. 296 УК РФ. Насилие и угрозы в отношении этих лиц, не связанные с дачей ими показаний, в соответствии с действующим уголовным кодексом не могут быть квалифицированы как преступление против правосудия. Хотя такое воздействие достаточно распространено.

В качестве примера насильственного воздействия на свидетеля или потерпевшего, не связанного с принуждением к даче показаний или уклонению от дачи показаний, можно привести материалы следующего дела. Приговором Самарского областного суда от 7 июня 2006 г. С. осужден за вымогательство с применением насилия, организованной группой, в целях получения имущества в особо крупном размере; за похищение М., с угрозой применения насилия,

опасного для жизни и здоровья, с применением предметов, используемых в качестве оружия, из корыстных побуждений, организованной группой; за совершение подкупа потерпевшего М. и свидетелей в целях дачи ими ложных показаний; принуждение потерпевшего и свидетелей к даче ложных показаний, соединенное с угрозой убийством, а также за угрозу убийством при имевшихся основаниях опасаться осуществления этой угрозы. Угроза убийством совершена С. при следующих обстоятельствах: потерпевший М. после освобождения предоставил органам предварительного следствия сведения о лицах, участвовавших в его похищении, в том числе о С. После этого С. позвонил потерпевшему М. и угрожал взорвать его за то, что по его заявлению в правоохранительные органы, связанному с обвинением его в причастности к похищению, сотрудники правоохранительных органов проводили обыск в его доме. На следующий день во дворе дома М. раздался взрыв. От взрыва пострадала территория двора дома, стена дома, а также прицеп от снегохода и сам снегоход. После этого С., узнав, что свидетель М. Е. и его братья дали показания о его роли в похищении М. и вымогательстве денег за его освобождение, стал как лично при встречах, путем телефонных разговоров, так и действуя через третьих лиц, предлагать им дать ложные показания взамен компенсации материального ущерба. Таких встреч и телефонных разговоров было не менее 40. В конце мая — начале июня 2004 г. С. стал угрожать свидетелям физической расправой, торопя поменять показания. Эти угрозы свидетели воспринимали для себя реально, так как знали, на что он способен — не только участвовал в похищении потерпевшего, но организовал взрыв в его доме. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала обоснованной квалификацию содеянного по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ; п п. «а», «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ; ч. 1 ст. 309 УК РФ; ч. 2 ст. 309 УК РФ; ч. 1 ст. 119 УК РФ [7]. Таким образом, насильственное воздействие на потерпевшего в связи с его действиями как участника уголовного процесса было квалифицировано не как преступление против правосудия, а как преступление против

личности.

Мсть и превентивное воздействие на других участников уголовного процесса — далеко не исчерпывающие варианты применения насилия, не связанного с дачей показаний, в отношении свидетелей и потерпевших. Способы посткриминального воздействия, направленного на воспрепятствование установлению истины по делу, отличаются разнообразием и изощренностью.

Так, приговором Приморского краевого суда Ю. и Щ. осуждены за вмешательство в деятельность следователя в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, и за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Преступления совершены ими при следующих обстоятельствах. Ю. и Щ. вступили в сговор для совместного вмешательства в деятельность следователя и воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела в отношении Ю. Для этого они стали принуждать свидетеля С. к оговору следователя в неправомерных действиях для отстранения его от расследования. С этой целью они 03.12.2004 г. изготовили заявление на имя прокурора, в котором оговаривалась следователь К., и, оказывая на свидетеля С. психологическое воздействие, угрожая убийством в случае отказа, заставили его подписать это заявление [8]. Воздействие на свидетеля в данном случае было квалифицировано как преступление против личности — по ст. 119 УК РФ, хотя содеянное было направлено на причинение вреда интересам правосудия. Однако существующая законодательная конструкция норм, предусмотренных ст. 296 и 309 УК РФ, исключает возможность их применения в данном случае.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы связан с тем, действующее уголовное законодательство связывает признаки специального потерпевшего в преступлениях против правосудия с процессуальным признанием лица участником судопроизводства. Воздействие на лиц, которым в результате совершения преступления причинен вред, а также на

очевидцев совершения преступления или сокрытия его следов до возбуждения уголовного дела квалифицируется, в соответствии с положениями действующего законодательства, как преступления против личности, что не отражает в полной мере сущность рассматриваемых общественно опасных деяний. На наш взгляд, совершенно очевидно, что в данном случае вред причиняется именно интересам правосудия.

Так, например, по приговору Московского областного суда от 31 января 2011 года Розиков и Шарипов признаны виновными в умышленном убийстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору, а Розиков также в угрозе убийством при наличии оснований опасаться осуществления этой угрозы. Преступления совершены при следующих обстоятельствах: Розиков и Шарипов, договорившись между собой на почве возникшей неприязни к Д., совершили его убийство путем удушения. После этого в квартиру Д. зашел А., который увидел там труп Д., а на руках у Розикова и Шарипова были черные перчатки. Розиков при этом угрожал А. убийством, если он сообщит об увиденном в милицию, и он при сложившихся обстоятельствах опасался осуществления этой угрозы [9]. Очевидно, что деяние Розикова было направлено на причинение вреда интересам правосудия, однако оно было квалифицировано по ч. 1 ст. 119 УК РФ, так как в соответствии с действующим законодательством воздействие до возбуждения уголовного дела на лиц, обладающих доказательственной информацией, не может быть квалифицировано как преступление против правосудия.

Следует отметить, что противоправное воздействие на источник доказательственной информации (очевидца преступления, пострадавшего от преступления) до того, как этим лицом получен статус участника уголовного процесса, достаточно распространено. Ссылаясь на результаты, полученные в ходе проведенного исследования, И. А. Бобраков указывает на то, что более чем 1/3 посягательств насильственного характера в отношении жертв преступления и потенциальных его свидетелей имеет место до

возбуждения уголовного дела [10, с. 96—97].

Правоприменители в ряде случаев пытаются руководствоваться логикой объекта, а не точной буквой закона, и квалифицируют по ст. 309 УК РФ применение субъектом угроз и насилия в целях предотвращения сообщения очевидцем сведений о совершенном преступлении в правоохранительные органы.

Так, приговором Пермского областного суда от 11 июня 2002 г. К. был признан виновным в убийстве К. Р. и О., в принуждении А. к даче ложных показаний и к уклонению от дачи показаний, соединенном с угрозой убийством, а также с применением насилия, опасного для ее жизни и здоровья, и осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по ч. 2 ст. 309 УК РФ, по ч. 4 ст. 309 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации установила: как видно из показаний потерпевшей А., вечером 6 февраля 2002 года после совместного употребления спиртного с К., К. Р., О., она уснула, проснулась ночью от крика К. Р., увидела, что он держится руками за живот, а рядом стоит К. с ножом в руке, К. Р. говорил, что хочет жить, подошел к кровати и упал. На кровати лежала убитая О. Она предложила К. вызвать «скорую помощь» и милицию, но он, угрожая применить нож, заявил, что если она сообщит кому-нибудь о случившемся, он ее убьет. Эту угрозу она восприняла реально. К. вытащил трупы на улицу и засыпал снегом, а ее, угрожая ножом, заставил вымыть пол и убрать следы крови. Утром 7 февраля 2002 г. К. запер ее в доме, а сам ушел, держал ее в доме взаперти до дня его задержания 15 февраля 2002 г. Когда она 9 февраля 2002 г. предложила ему сообщить в милицию, К. разозлился, кулаком ударил ее в лицо, разбив губу, затем взял нож, которым порезал ей челюсть, и угрожал убить ее.

Судебная коллегия признала доказанными фактические обстоятельства совершения К. преступлений, однако определила, что действия в отношении потерпевшей А. необоснованно квалифицированы судом по ч. 2 ст. 309 УК РФ и по ч. 4 ст. 309 УК РФ как принуждение свидетеля к даче ложных показаний, соединенных с угрозой

убийством, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшей. По смыслу закона, принуждение свидетеля к даче ложных показаний или отказу от дачи ложных показаний и уклонению от дачи показаний, может иметь место при производстве предварительного следствия или дознания. Из материалов дела видно, что уголовное дело по факту убийства К. Р. и О. возбуждено 14 февраля 2002 г., действия в отношении А. совершены К. 7 и 9 февраля 2002 г. При таких обстоятельствах действия К., связанные с угрозой убийством А. должны быть квалифицированы по ст. 119 УК РФ, а его действия по применению к ней насилия, причинившие легкий вред ее здоровью, — по ст. 115 УК РФ [11].

Таким образом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор Пермского областного суда, в соответствии с которым посягательства на очевидца преступления до возбуждения уголовного дела были квалифицированы как преступление против правосудия, и указала, что в данном случае подлежат применению нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за посягательства на интересы личности. Такой вариант квалификации соответствует действующему законодательству, но не отражает ни специфики совершаемых деяний, ни общественной опасности содеянного. Последнее особенно наглядно проявляется при сравнительном анализе санкций соответствующих уголовно-правовых норм. Если бы совершенные К. действия, связанные с угрозами и насилием в адрес очевидца преступления А., были квалифицированы как преступления против правосудия, то с учетом санкций ч. 2 и ч. 4 ст. 309 УК (максимальный размер предусмотренного в них наказания — 3 и 7 лет лишения свободы соответственно), а также правил назначения наказания по совокупности преступлений, закрепленных в ч. 3 ст. 69 УК РФ, максимальный размер окончательного наказания за содеянное составил бы 10,5 лет лишения свободы. В случае квалификации содеянного по совокупности

преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ (предусмотренное наказание — до 2 лет лишения свободы) и ч. 1 ст. 115 УК РФ (предусмотренное наказание — арест на срок до 4 месяцев), максимальный размер окончательного наказания за содеянное может составить лишь 3 года лишения свободы.

Очевидно, что при квалификации содеянного как преступления против личности наказание, которое может быть назначено виновным, не соответствует характеру и степени общественной опасности совершенного преступления. Таким образом, нарушается один из законодательно закрепленных принципов уголовного права — принцип справедливости. По нашему мнению, лица, которым в результате совершения преступления причинен вред, а также очевидцы совершения преступления или сокрытия его следов, должны быть указаны в качестве специальных потерпевших в диспозициях норм, предусмотренных ст. 295, 296 и 309 УК РФ.

В данной статье мы кратко остановились лишь на некоторых проблемах, связанных с квалификацией посягательств на жизнь и здоровье участников уголовного судопроизводства.

Список библиографических ссылок

1. Выводы и рекомендации Совещания Специальной группы экспертов по уменьшению риска насилия в системе уголовного правосудия : док. E/CN. 15/1994/4/Add. 3. 1994. 25 february. P. 10 // Брусницын Л. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. URL: <http://rudocs.exdat.com/download/docs-355137/355137.doc> (дата обращения 16. 10. 2012 г.)
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1999. № 3. Согласно п. 6 данного постановления, «под выполнением общественного долга следует понимать осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном либо готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, изобличающих лицо в совершении преступления, и др.
3. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия : монография. СПб., 2005.
4. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: учеб. пособие. Хабаровск, 2001.
5. Трухачев В. В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: автореф. дис... . д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
6. Радченко А. А. Преступные посягательства на участников процесса доказывания: проблемы квалификации и законодательной регламентации: автореф. дис... . канд. юрид. наук. Владивосток, 2010.
7. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2006 года дело № 46-о06-78 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2006 года дело № 56-о05-94 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 18 апреля 2011 г. № 4-О11-57 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Бобраков И. А. Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

11. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 20 сентября 2002 г. № 44-О02-117 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© В. В. Намнясева, 2012